

УДК 81'42

DOI 10.17223/19986645/34/6

И.А. Пушкарева

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ «МИР СПАСЁТ КРАСОТА»
В ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЕ «КУЗНЕЦКИЙ РАБОЧИЙ»:
СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
(К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА
В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.)¹**

Статья посвящена отражению в региональном медиадискурсе одного из ключевых концептов культуры – «красота». Материалом исследования является городская газета «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк). Рассматриваются газетные материалы конца XX – начала XXI в., включающие прецедентный текст «Мир спасёт красоту». Выбранный хронологический диапазон позволяет судить о динамике российской аксиосферы в период перестройки и послеперестроечное время. Функционирование прецедентного текста «Мир спасёт красоту» рассматривается с учётом особенностей метаязыка, специфики организации изложения, закономерностей трансформации исходного выражения, связи с определённым кругом тем и проблем. Проанализирована семантико-стилистическая роль реминисценции в газетных материалах о нравственном состоянии общества, о творчестве, о внешней красоте человека, о городе. Ключевые слова: аксиосфера, медиадискурс, газетно-публицистический текст, прецедентный текст, реминисценция.

Динамика ценностной картины мира находит отражение в медиадискурсе. Для осмысления «великой Триады» (Н.Д. Арутюнова) – категорий Добра, Истины, Красоты – представляется интересным тот факт, что российские массмедиа в годы перестройки и следующие периоды активно включают прецедентный текст «*Мир спасёт красоту*». Обратимся к материалу городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) конца XX – начала XXI в. Газета выходит с 1930 г., представляет качественную прессу и позволяет судить об отражении ценностной картины мира в региональном медиадискурсе. Был предпринят семантико-стилистический анализ 30 произведений, содержащих прецедентный текст: для исследования материалов конца 1980-х–2001 г. использовалась сплошная выборка текстов, в заголовке которых содержится слово «красота» или однокоренные слова, и частичная выборка остальных текстов соответствующей тематики (было отобрано 254 текста, из которых в 9 представлен прецедентный текст, впервые – в 1988 г.); из материалов 2002–2014 гг. публикации (21) выявлялись методом сплошной выборки, поскольку все материалы городской газеты с 2002 г. размещены на официальном сайте: www.kuzrab.ru.

Н.Д. Арутюнова говорит о смысле, который вкладывал Ф.М. Достоевский в выражение «*Мир спасёт красоту*»: «Духовная красота Христа должна бы-

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-04-00216а.

ла, по мысли и вере Достоевского, спасти мир. Однако эта вера выражена в произведениях Достоевского в редуцированной формуле – “Мир спасёт красота”, которую произносит Ипполит Терентьев, иронически цитируя Мышкина: «Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасёт “красота”? Господа <...> князь утверждает, что мир спасёт красота! <...> Какая красота спасёт мир? <...> Вы ревностный христианин?» <...>. Вопрос Ипполита остался без ответа: князь промолчал. Однако в двусмысленном вопросе о христианской вере князя Мышкина, возможно, содержится намёк на духовную красоту Христа. Достоевский здесь, как и в ряде других случаев, не эксплицирует свой “символ веры”, дабы его не опошлить. Его опошילה реклама “красоты”, пользующаяся формулой Достоевского» [1. С. 16].

Употребление формулы Достоевского российскими СМИ связано с актуальностью вопроса о спасении мира, которая обусловлена кризисом системы ценностей в период перестройки и послеперестроечное время. Социологи отмечают, что «кризис системы ценностей проявился в утрате прежних целей, бытийных смыслов, нередко в перемене аксиологических знаков» [2. С. 23]. Положительной тенденцией этого процесса является возникновение «нормального для человеческого общества ценностного плюрализма» [2. С. 24]. С одной стороны, такая «плюрализация аксиопозиций означает возрастание дифференцирующей роли ценностей в кризисном обществе, углубление дезинтеграции», с другой стороны, «утверждаются ценности общечеловеческого характера, которые опираются на принцип свободы и не приемлют идеологии тоталитаризма, выступают как оппозиционные» [2. С. 24].

В отражении системы ценностей важны прецедентные тексты. «Особое место в текстовой концептосфере принадлежит прецедентным текстам (по Ю.Н. Караулову), т.е. текстам, хорошо известным носителям данной культуры, значимым для них и неоднократно упоминаемым в общении» [3. С. 41]. Прецедентный текст (далее ПТ) «является одним из важных средств выразительности, используемых в газетном дискурсе различных культурно-исторических эпох» [4] и становится «особым механизмом порождения и интерпретации скрытых смыслов» [4]. В газетных материалах используется как цитирование названного ПТ, так и реминисценции – «ассоциативные отсылки к определённому опорному тексту» [5. С. 259]. Предпринятый анализ функционирования реминисценции подтверждает тяготение ПТ к сильным позициям: исследуемая реминисценция неоднократно встречается в заголовке (в 26,7 % рассмотренных текстов), а также представлена в лиде, начале и конце текста. Использование в заголовке характерно для материалов XXI в. (87,5 % от общего количества случаев использования в заголовке), что свидетельствует, на наш взгляд, об отношении к исследуемому ПТ как трюизму – «общеизвестному положению» [6. С. 367], употребление которого в сильной позиции заглавия обеспечивает прагматический эффект. Рассмотрим функционирование ПТ «*Мир спасёт красота*», учитывая особенности метаязыка (наименование ПТ; о метаязыке см.: [6. С. 151]), специфику организации изложения, закономерности трансформации исходного выражения, связь с определённым кругом тем и проблем.

Для материалов конца XX в. в большей степени, чем для публикаций начала XXI в., характерна эксплицированная в наименовании ПТ отсылка к

Достоевскому: *формула Достоевского* (Л. Кайгородцева, 20.05.1988), *известная мысль Достоевского* (В. Хармац, 07.09.1989), *слова Достоевского* (П. Пономарёв, 20.01.1990), *фраза Достоевского* (Т. Тюрина, 10.10.1996). В начале XXI в. обнаружена единственная отсылка в наименовании ПТ: *известная формула Достоевского* (Ю. Алябьев, 11.12.2004), – тогда как в целом выражение осознаётся принадлежащим общему культурному фонду: *изречение* (В. Коровина, 07.09.2002), *замечательные слова* («Просто читатель», 18.02.2006), *хорошие слова* (Н. Голыгина, 29.04.2010) и даже *поговорка* («Прямая речь», 13.09.2013). Как видим, в наименования ПТ начала XXI в. входит оценочный компонент, выраженный именами прилагательными с общеоценочным значением. ПТ «Мир спасёт красота» включается в изложение двумя способами: первый основан на воспроизведении мысли Достоевского как трюизма, второй – на подчёркивании субъективного начала в осмыслении ПТ.

Распространённое средство воплощения первого способа – вводная конструкция *как известно*, которая используется в материалах конца XX – начала XXI в.: <...> *люди нуждаются в красоте, которая, как известно, спасёт мир* (А. Цыряпкин, 01.02.1994); *Павел Михайлович Третьяков, русский купец и промышленник, подаривший нам замечательную картинную галерею. По сути, подаривший людям красоту, которая, как известно, спасет мир* (С. Загнухин, 29.12.2005); *Славяне – не только солнцепоклонники, но и поклонники красоты, которая, как известно, спасет мир, а значит, душу* (Н. Каменева, 20.04.2006). Принадлежность ПТ «Мир спасёт красота» к общему культурному фонду органично передаётся с помощью приёмов диалогизации изложения: *А помните: «Красота спасёт мир»* (Н. Краснухина, 14.12.1988); *Мы все знаем поговорку «красота спасет мир»* («Прямая речь», 13.09.2013). Реминисценция представлена как трюизм и с помощью лексических средств: <...> *извечная вера, что у красоты есть сила, что она спасет, пусть и не весь мир* (А. Бродский, 06.10.2011). Именно лексические средства позволяют выявить два смысловых аспекта в существовании трюизма «Мир спасёт красота»: сущностный аспект, связанный с непреходящей значимостью, ценностью данной мысли, и «внешний» аспект, связанный с характером её употребления, повторяемостью. Второй аспект эксплицирован в материалах конца XX в., в которых происходит смысловая конкретизация, связанная с характеристикой актуальности ПТ в коммуникативном пространстве. Например, такую характеристику выражает возвратная форма глагола, создающая обобщённый образ субъекта: *Часто повторяются слова Достоевского: красота спасёт мир* (П. Пономарёв, 20.01.1990). Особо отмечается роль ПТ в коммуникативном пространстве медиадискурса: *Александр, как ты относишься к известной мысли Достоевского: «Красота спасёт мир», – которую сейчас часто повторяют на страницах печати?* (первый вопрос интервью; В. Хармац, 07.09.1989). Отметим использование в приведённом контексте неопределённо-личной конструкции для создания обобщённого образа речевого субъекта. Характеристика актуальности ПТ в коммуникативном пространстве не является сугубо констатирующей, она может сопровождаться выражением оценочной позиции. Так, экспрессивный контекст выражает негативное отношение к частотности употребления ПТ: *Фразу Достоев-*

ского о **красоте**, которая **спасёт мир**, *истрепали в ключья* (Т. Тюрина, 10.10.1996). Неопределённо-личное изложение и выразительная метафора передают резкое неодобрение по отношению к массовому цитированию ради красного словца, к тому опошливанию, которого избегал сам Ф.М. Достоевский.

Второй способ включения ПТ связан с личностным способом изложения. В материалах конца XX в., отражающих авторство ПТ и вступающих с ним в концептуальный диалог, личностный стиль изложения создаётся включением метатекста: *Долго думала над формулой Достоевского «Красота спасёт мир» и выводом Горького «Этика будущего – это эстетика»* (Л. Кайгородцева, 20.05.1988); *Я никогда не верила, что мир спасёт красота, слишком хрупкая эта субстанция* (Т. Тюрина, 06.12.1991). В этом случае открыто отражается культурный диалог двух субъектов – великого русского писателя и нашего современника, размышляющего о концепции красоты Достоевского. Т.В. Матвеева отмечает, что такого рода метатексты важны в создании тональности публицистического текста, в формировании образа речевого субъекта как «психологического камертона текста» [7. С. 93].

Авторы публикаций начала XXI в. «ассимилируют» реминисценцию к своему изложению, сопровождая её коннотациями и подвергая логической трансформации. В этом случае персуазивность выражена с помощью вводных конструкций, релятивов: *Возможно, красота по-прежнему является страшной силой и когда-нибудь непременно спасет мир* <...> (Д. Михайлович, 27.03.2004); *Красота спасёт мир. Однозначно!* (С. Бабилов, 15.11.2007). Акцент на личностной позиции помогают сделать глаголы интеллектуальной деятельности: *Есть хорошие слова, что красота спасет мир, а я считаю, что мир спасёт доброта* (Н. Голыгина, 29.04.2010). Личностный стиль изложения создают риторические вопросы: *Когда-нибудь красота спасет мир, но спасется ли сама в мире беспредельной демократии?* (19.01.2008).

Разнообразны случаи трансформации ПТ. Показательно доминирование порядка слов «Красота спасёт мир», даже в конструкциях с прямой речью, предполагающих точное цитирование: *В свое время гениальный Федор Достоевский сказал замечательные слова: «Красота спасет мир»* (18.02.2006). Такой порядок слов делает акцент на искомом спасительном выходе. Единичны случаи сохранения исходного порядка слов: *Классик литературы в прошлом веке сказал, что мир спасёт красота* (В. Валиулин, 16.07.1996). Отмечены также случаи других вариантов порядка слов: *А спасёт мир – красота* (Н. Краснухина, 14.12.1988); *Гипотезы гипотезами, факты фактами, а мир красота спасёт!* (Д. Семенюта, 01.09.2012). Интересна неоднократная замена лексических компонентов ПТ: *красота – доброта* (Т. Эмих, 04.12.2008; Н. Голыгина, 29.04.2010); встречается уточнение понятия красоты: *красота – Христос* (Ю. Алябьев, 11.12.2004), *красоту – картинную галерею* (С. Загнухин, 29.12.2005).

Выявлены случаи семантической трансформации устойчивого выражения, связанные с потерей глобального звучания ПТ и сужением его референтной области. Сужение основано на метонимии, которая позволяет конкретизировать значение слова «красота». Например, в корреспонденции о поджоге магазина «Велком», озаглавленной «*Не спасёт и красота*»

(В. Максимов, 26.12.1995), тема красоты эксплицирована в размышлениях директора АО «Велком» А. Волобуева: *Я вырос в этом городе. Я люблю его. Я хотел бы создать таких уголков красоты как можно больше.* Как видим, перифраз *уголок красоты* основан на метонимии и обозначает магазины с ассортиментом парфюмерно-косметической продукции. Значение ключевого слова в заголовке связано с внешней красотой человека, с изменением отношения к ней в постсоветское время. Диалог с ПТ в корреспонденции о живых изгородях в городе строится как развитие тезиса и принимает неожиданный оборот, поскольку движение мысли связано с несоответствием лексического наполнения градационной конструкции законам восходящей градации: **Красота не только спасет мир, но и украсит наши промзоны** (О. Савельева, 23.07.2009). Данное явление, на наш взгляд, связано с «градоцентризмом» материалов, с одной стороны, и ролью шутивно-ироничной манеры изложения в современных СМИ – с другой.

Логическая трансформация ПТ разнообразно проявляется в материалах начала XXI в. и связана с корректировкой тезиса. Авторы публикаций для корректировки неоднократно используют антитезу. Так, Ю. Алябьев подвергает сомнению форму и содержание трюизма: *Вы можете возразить: а как же известная формула Достоевского – «Красота спасет мир»? Увы, искусствоведы переусердствовали – Федор Михайлович этого не говорил. Он говорил иное: «Христос – вот красота, которая спасет мир»* (Ю. Алябьев, 11.12.2004); интервьюируемый с помощью антитезы подчёркивает новый акцент: *Я бы добавил, что не красота спасет мир, а осознание этой красоты* (Т. Тюрина, 25.10.2007).

Условные и уступительные конструкции ограничивают случаи истинности тезиса: *Если говорить о красоте, которая спасёт мир, то не надо забывать и о красоте языка своего, о его великой силе, о красоте окружающего мира, о красоте творения рук своих* (П. Пономарёв, 20.01.1990); **Красота спасёт мир, если мир спасёт красоту** (подпись – «Просто читатель», 18.02.2006); *Для этого вам надо внимательно изучить фотографии девушек и выбрать ту, что ляжет на сердце или будет ласкать взор, ту, которая, на ваш взгляд, покорит сначала Россию, а потом с божьей помощью и собственной красоты весь мир, который ежели и спасет красота, то только женская* (С. Михайлов, 20.10.2011); *<...> извечная вера, что у красоты есть сила, что она спасет, пусть и не весь мир* (А. Бродский, 06.10.2011). Встречается также определение положения вещей, исключающего истинность тезиса: **Красота не может спасти мир, который её отвергает** (В. Хармац, 07.09.1989); *Пока такое отношение к красоте будет оставаться, не строимся с места, а уж о спасении мира и говорить неуместно* (П. Пономарёв, 20.01.1990). Отмечен случай замены тезиса: условная конструкция позволяет опровергнуть тезис гипотетически (*Красота, если и не спасёт мир...*), причём сделать это «мягко», заменив его другим тезисом по принципу нисходящей градации: **Красота, если и не спасет мир, то украсит нашу жизнь точно** (В. Коровина, 01.09.2005).

Как видим, логическая трансформация ПТ «Мир спасёт красота» в газетных материалах начала XXI в. свидетельствует не только о диалоге с трюизмом и его переосмыслении, но и о стремлении к прагматическому эффекту,

когда реминисценция включается не ради увеличения смыслового объёма текста, а ради привлечения внимания адресата, предположительно узнающего выражение, удивляющегося его трансформации, а значит, начинающего более активное общение с текстом.

Диалог с ПТ в медиадискурсе конца XX – начала XXI в. проявляется в материалах различной тематики, основные из которых нравственное состояние общества, творчество, внешняя красота человека, город. Тема нравственного состояния общества является сквозной для материалов различной тематики, но мы сочли необходимым выделить её как самостоятельную в материалах о воспитании души.

Значительная группа текстов конца XX – начала XXI в. посвящена школе. Первые выявленные упоминания формулы Достоевского в городской газете эпохи перестройки связаны именно с материалами о школьной реформе, о роли уроков литературы в становлении личности. Эстетическое воспитание рассматривается как необходимая составляющая воспитания души. Акцент сделан на существующих проблемах и путях их решения. Например, статья о связи литературы и изобразительного искусства (из опыта учителя-словесника) называется *«Чтобы в душу входило прекрасное»* (Л. Кайгородцева, 20.05.1988). В ней используется подзаголовок **Красота спасёт мир**. В интервью учителя звучит мысль об изменениях в обществе, которые отражаются на изменении особенностей общения учителя и ученика: *Понимаете, дети с каждым годом становятся сложнее. Если воздействовать на них только материалом урока, этого чрезвычайно мало. Мне как литератору и вспоминать не надо, как воспитывали, скажем, дворян, тех, кто потом вышел на Сенатскую площадь. Не искусство ли, которое входило в их мир с детства в обязательном порядке, посеяло добрые всходы? Как сделать, чтобы красота входила в детей...* Проблемное звучание создаётся с помощью риторического вопроса, апосиопезы, введения метатекста речевого субъекта (*Долго думала над формулой Достоевского «Красота спасёт мир» и выводом Горького «Этика будущего – это эстетика»*). Эстетическое воспитание связывается с уроками литературы и в статье Н. Краснухиной *«Что нам литература...»* (14.12.1988): *А помните: «Красота спасёт мир». Всё лучшее в человеке – ум, культура, эрудиция – от любви к слову. Приведём выразительный итоговый абзац статьи: Гуманитарное невежество – это «огромная демоническая сила, которая может стать причиной многих трагедий». А спасёт мир – красота.* Ключевое слово занимает сильную позицию конца текста, подчёркнутую экспрессивным использованием смыслового контраста и тире.

Рассматриваемое высказывание становится заголовком в информационной корреспонденции А. Сницкой о школе № 61, которая заняла второе место в международном конкурсе «Красивая школа» (15.10.2009). Журналист выражает концепцию конкурса: *«Красивая школа» – это всемирное движение. Речь, впрочем, идет не о внешнем виде школьных стен, а об атмосфере внутри них. Доброта, здоровье, открытость миру – вот что это такое. Достигнутая красота противопоставляется тяжёлому состоянию конца 90-х: «В конце девяностых мы заметили, что наши дети стали замкнутыми, угрюмыми, даже злыми <...>» – вспоминает завуч по учебно-воспитательной*

работе Людмила Акулова. С помощью смыслового контраста передаётся мысль о единстве красоты и добра. Ключевая фраза с оценочным сопровождением журналиста звучит в заголовке комментария С. Бабикова о решении вопроса с выделением областному детскому экскурсионно-туристическому центру участков земли под строительство приютов – **«Красота спасёт мир. Однозначно!»** (15.11.2007). Тема красоты в комментарии не эксплицирована, а представлена в подтексте, как естественным образом связанная с темой воспитания подрастающего поколения. Ключевой является тема красоты в очерке об учителе биологии: *Ведь если закроют школу, придет конец и ее участку. Нет, она не отдаст его под бульдозер. Никакой министр не сможет отнять этот взращенный ею кусочек родной земли. Сама мысль об этом кажется чудовищно нелепой – извечная вера, что у **красоты** есть сила, что она **спасет**, пусть и не весь **мир**. Нежные, хрупкие цветы покажут пример людям* (А. Бродский, 06.10.2011). Образ учителя биологии, выращивающего на пришкольном участке цветы, связан с темой воспитания детей: учитель делится с ними своей верой в разумное, доброе, вечное и противопоставит тем самым модным экспериментам в образовании, глупости чиновников, неблагополучию в обществе.

Медиадискурс отражает размышления о роли церкви в воспитании души. Так, в статье Ю. Алябьева подчёркивается значение в духовном оздоровлении общества не современного искусства (*красота человеческая, плотская*), а именно церкви (*Красота как символ Божественного*): *Что же касается возможной роли искусства, то для него главным принципом является красота. Но в современном искусстве Красота, как символ Божества, давно подменена красотой человеческой, плотской. Вы можете возразить: а как же известная формула Достоевского – **«Красота спасет мир»**? Увы, искусствоведы переусердствовали – Федор Михайлович этого не говорил. Он говорил иное: **«Христос – вот красота, которая спасет мир»*** (11.12.2004). ПТ включён в рассказ руководителя центра народной культуры «Параскева Пятница» Е.А. Павловской о подготовке к Пасхе: *Готовьте к светлому Воскресению дом, ведь мы в нем живем, как душа в теле. В старину украшали избу самым красивым тканьем, которое было в семье. Славяне – не только солнцепоклонники, но и поклонники **красоты**, которая, как известно, **спасет мир**, а значит, душу* (Н. Каменева, 20.04.2006). В контексте важна мысль о сути спасения мира как спасения именно души.

Не только в публикациях о роли школы и церкви формула Достоевского включается в контексты, раскрывающие единство эстетического и этического. Работник библиотеки С. Загнухин посвятил статью *миротворцам* – людям, которые наполняют мир милосердием и добром (29.12.2005). Среди них он называет П.М. Третьякова: *Павел Михайлович Третьяков, русский купец и промышленник, подаривший нам замечательную картинную галерею. По сути, подаривший людям **красоту**, которая, как известно, **спасет мир***. Духовный настрой публикации выражен уже в заглавии – *«Блаженны миротворцы»*; ключевым в статье становится приём этимологизации ключевого слова: *Будем рассматривать мир как покой, гармонию, любовь, удовлетворение и единство. А людей, проявляющих эти качества, творцами мира – миротворцами.*

Тему спасения красоты в заголовке письма читателя из рубрики «Дискуссионная трибуна» актуализирует хиазм: **Красота спасёт мир, если мир спасёт красоту** (подпись – «Просто читатель», 18.02.2006). В тексте создаётся контрастное оценочное пространство, в котором мелиоративный полюс – красота, а пейоративный – негативные изменения в российском обществе: *В самом деле, нынешние невежество, ожесточение, желание все порушить – это настоящая визитная карточка новейшего бескультурного периода; <...> нынешние «революционеры» уничтожают саму культуру, губят души, наполняют пространство призывами к обогащению вопреки всему.* Текст строится на антитезах: *Доброта, милосердие, сердечность, любовь – все эти человеческие качества отступают перед агрессивным вторжением в жизнь алчности, порока и жестокости; красивые передачи противопоставляются бурному и грязному потоку бесконечных ток- и реалити-шоу.* Ключевая антитеза – «красота – безобразия (безобразное)»: *И государственные, и частные каналы, кажется, сговорились собрать воедино все безобразное, что существует в жизни, чтобы обрушить на головы своих зрителей; А витрины газетных киосков, являющие миру полупорнографические обложки глянцевого журналов? Разве они не вносят свой вклад в шабаш безобразия?* Грустно звучит риторическое восклицание, содержащее синтагму *подумать о красоте*: *Где уж тут подумать о красоте, сохраниться бы как вид!* Эмотивный смысл грусти открыто выражается и в заключительном предложении: *Грустно, господа, как сказал в свое время еще один классик, Николай Гоголь.*

В заголовке опроса Т. Эмих используется трансформация ключевого выражения – «**Доброта спасёт мир?**» (04.12.2008). Тема красоты звучит в одном из ответов: *Доброта всегда спасает и помогает. А еще мудрость, милосердие, духовность, разумность и красота, внешняя и внутренняя, то есть гармония. Обвинения нынешнего времени в деградации верны лишь для некоторой части людей. Все-таки большинство из нас желает лучшего и справедливо устройства общества и прикладывает усилия для того, чтобы оно таким было* (И. Стешинок, учитель иностранного языка). В письме благодарного пациента также звучит мысль о спасении мира добротой: *Есть хорошие слова, что красота спасет мир, а я считаю, что мир спасёт доброта. Спасибо за доброту, чуткость, терпение и внимание. Спасибо за каждый день, за каждый год* (Н. Гольгина, 29.04.2010).

ПТ «*Мир спасёт красота*» значим в публикациях о творчестве. В газете речь идёт не только о людях, профессионально занимающихся творчеством, но и о творческой способности как родовом даре любого человека (это может быть рукоделие, цветоводство и многое другое). Более полно такие материалы представлены в газете конца XX в., где «круги» контекстов размышлений о спасительной силе красоты расширяются: творческий человек – семья – российское общество – мировая цивилизация.

Так, тема красоты соотносится с темой домашнего очага – спасительной пристани – в очерке о творческом человеке Е.И. Зайцевой, географе и биологе по специальности (Т. Тюрина, 6.12.1991). Красота как созидаящая сила противопоставляется разрушению, которым охвачено всё в перестроечной России: – *Когда вы успеваете? – задаю банальный вопрос, а сама думаю, зачем ей это занятие, когда рушится государство, когда нечего есть, а ве-*

чером по улице бежишь перебежками, оглядываясь, как партизан. Я никогда не верила, что **мир спасёт красота**, слишком хрупкая эта субстанция. Но последний абзац вселяет веру в силу хрупкой субстанции: *Не хотелось уходить из этого дома, где так ценят саму идею дома, семьи, этой вечной пристани, где умеют создавать и беречь красоту. Создает и бережёт красоту каждый, возвращающий свой сад. Это может быть сад и в прямом смысле слова: тема красоты неоднократно звучит в публикациях о садоводах: Замечено, что горожане-дачники все больше места на своих огородах отдают цветам, памятуя, видно, изречение: **красота спасет мир**. То есть, нас, людей* (В. Коровина, 07.09.2002).

Красота жива в российском обществе вопреки различным проблемам. Это подчёркнуто, например, с помощью уступительного придаточного в фоторепортаже о деятельности художественной мастерской Новоильинского района: *Сколь бы сложными ни были экономические проблемы, творческая жизнь в Новокузнецке не замирает. И всё лишь по той причине, что люди нуждаются в **красоте**, которая, как известно, **спасёт мир*** (А. Цыряпкин, 01.02.1994) – в генеритивном регистре передана мысль о том, что красота необходима людям. Красота, рождающаяся в творчестве, определена с помощью эпитета *настоящая* (заголовок фоторепортажа – «*Есть настоящая красота*»). В интервью со зрителем выставочного зала ДТС С.А. Зуевой акцентировано внимание на малом количестве посетителей выставок, низкой зарплате работников культуры, отсутствии денег на организацию выставок, что рассматривается во взаимосвязи. Ключевая мысль журналиста Т.А. Тюриной, выраженная ею в тексте из постоянной рубрики «Гостиная», – о роли человека в спасении красоты: *Фразу Достоевского о **красоте**, которая **спасёт мир**, истрепали в клочья. Но ведь может так получиться, что и некому будет спасать, если красота постепенно сойдёт на нет* (заключительная фраза текста) (Т. Тюрина, 10.10.1996).

Творческая личность соотносит тему красоты с темой спасения цивилизации. Так, на вопрос журналиста об отношении к известной мысли Достоевского живописец, график А. Гаврилов отвечает: **Красота не может спасти мир, который её отвергает. В большинстве выставочных залов страны пусто, их почти не посещают. <...> Наши беды во многом определены нашей низкой культурой и отсталостью мысли. <...> Сейчас говорят о необходимости нового мышления. При этом новизна часто исчерпывается суммой новых идей, по большей части экономических. Нужны не просто новые идеи – нужен другой тип мышления. Прежний, поставивший человечество на грань самоуничтожения, приспособлен для извлечения пользы из чего-либо ценой его разрушения. При этом идеи служат средством подчинения людей, орудием господства над ними. Сейчас человечество начинает понимать, что есть ценности, более важные для его выживания и развития: любовь, жизнь, природа, красота. Если новое мышление утвердится, мир станет иным. Красота, искусство, невидимыми и неразрывными нитями связанные с эволюцией, станут намного более эффективным стимулом развития, чем на этом этапе** (В. Хармац, 07.09.1989).

Размышления о роли искусства представлены в аналитической корреспонденции, поднимающей проблему продажи социально значимых учреждений: *Виталий Берзин, председатель ревизионной комиссии:*

– Я бы добавил, что не **красота спасет мир**, а осознание этой красоты. Мне с детства запомнилась фраза: «Без искусства мы не постигнем красоты и величия наших дней» (Т. Тюрина, 25.10.2007).

Письмо читателя, содержащее впечатление о выставке детского творчества, которая экспонировалась в окнах музея изобразительных искусств, передаёт мысль о спасительной силе красоты и о необходимости приобщения детей к красоте, а значит – и к добру: *Мы все знаем поговорку «красота спасет мир». Нужно чаще показывать и рассказывать детям о прекрасном, радоваться всему хорошему, что происходит в нашем городе! <...> Нам, взрослым, надо чаще жить заботами детей, участвовать в их жизни. И это обязательно принесет свои добрые плоды* («Прямая речь», 13.09.2013).

ПТ «*Мир спасёт красота*» включён в материалы о внешней красоте человека, размышления о которой во многом провоцируются таким феноменом перестроечной России, как конкурсы красоты. Материалы эпохи перестройки обладают проблемным звучанием, являются откликом на увлечение людей внешней красотой. Органично использование жанра эссе, позволяющего поделиться мыслями и чувствами. Так, в рубрике «Мысли вслух» помещено эссе П. Пономарёва «*Что есть красота?*» (20.01.1990), в котором автор делится впечатлениями после конкурса «Кузнецкая королева-89». Обобщённый и проблемный характер размышлений проявляется в неоднократном употреблении вопросительных предложений: *Что есть красота? (заголовок), А что такое красота? Как и чем пользуются члены судейской комиссии, определяя красоту? Как же воспитывать, как понимать красоту, как уметь видеть? О какой красоте говорят рекламные щиты у некоторых кинотеатров, другая наглядная «агитация?»* Отметим, что ключевое слово неоднократно употребляется в конце предложений, что передаёт интонационные акценты. Диалог с ПТ связан с определением характера красоты, о чём свидетельствует употребление присубстантивно-атрибутивного придаточного: *Если говорить о красоте, которая спасёт мир, то не надо забывать и о красоте языка своего, о его великой силе, о красоте окружающего мира, о красоте творения рук своих.* Ряд однородных членов создаёт эффект эмоционального усиления и передаёт авторское понимание истинной красоты. Итог диалога с ПТ выражен в последнем абзаце: *Пока такое отношение к красоте будет оставаться, не строимся с места, а уж о спасении мира и говорить неуместно.* Автор создаёт образ социума, нуждающегося в обретении перспективного пути развития.

Ключевая тема эссе П. Пономарёва – умение видеть красоту. Она включена в различные референтные комплексы: музей изобразительного искусства, в котором люди толпятся у фото обнажённых тел и не обращают внимания на пейзажи; люди едут за город на электричке и не замечают прекрасные пейзажи за окном. Автор «снимает пелену с глаз», не увидевших красоту: *Картина «Ручей» не была удостоена внимания, а около неё можно было простаивать часами. Нестаявший снег, весенний ручей. И видишь, чувствуешь движение воды, тишину, вот-вот проснётся природа, и как предвестник,*

как первая ласточка, пробуждение – бежит ручей. Красотища!; Вам приходилось ездить за город на электричке? Обратили внимание на людей? Очень редкие смотрят в окно на мелькающий за окном пейзаж. Не видят красоту. А вы посмотрите! Сто раз посмотрите, и сто раз он будет неповторим.

Другая стилистическая составляющая эссе – размышления в генеритивном регистре. В них используется конструкция, в которой подлежащее *красота* координируется с составным именным сказуемым, персуазивная вводная конструкция, безличное изложение, синекдоха: *Красота, наверное, всё то, что делает нас добрее, душевнее. Когда, глядя на неё, мы испытываем чувство нежности. Блажен тот, к кому это пришло от рождения. А если нет? Необходимо воспитывать! И воспитывать надо не сексуальными сценами в фильмах, не диким мордобоем, а красотой, пробуждающей в нас любовь к матери, женщине, ребёнку, природе, к братьям нашим меньшим, к человеку. <...> Человек, видящий красоту, понимающий её, не будет преступником.* В размышления, выдержанные в генеритивном регистре, включены дискуссионные моменты, связанные с осмыслением нового времени. Это проявляется в антитезах, противопоставляющих красоту и сексуальные сцены в фильмах, дикий мордобой, красоту и бескультурие, надругательство над улицами, красоту и преступление: *О какой красоте говорят рекламные щиты у некоторых кинотеатров, другая наглядная «агитация»? Памятники тяжеловесного, мрачного бескультурия. А кто-то делал их, кто-то ставил, кто-то разрешал ставить, кто-то утверждал. Порой это смахивает на надругательство над улицами...; Обнажённое тело прекрасно, если его рассматривать как красоту. Оно может вызвать самые чистые чувства любви к ближнему, вызвать нежность и доброту, но оно может вызвать и другие чувства – похоть и необузданную страсть. Тому пример еженедельные сводки в нашей газете об изнасиловании, убийствах, разбое.* Таким образом, в материалах конца XX в. представлено понимание красоты, соответствующее античной концепции калокагатии – взаимодействия эстетической, этической и утилитарной оценки, единства хорошего, доброго и полезного [1. С. 10]. (Калокагатию как «одно из важных понятий античных эстетических концепций» (Сократа, Платона, Аристотеля, Ксенофонта) рассматривает Н.Д. Арутюнова [1. С. 9–12]).

В материалах начала XXI в., в отличие от материалов 90-х гг., акцент сделан не на концептуальной, а на фактологической составляющей, хотя есть и отдельные суждения о категории красоты. Приведём примеры из информационной корреспонденции Е. Казьминой о конкурсе красоты «Мисс Кузбасса-2008», которая называется **«Красота спасёт мир»** (07.10.2008): *<...> для будущей королевы важна не только фигура, но и обаяние, грация и, что не менее значимо, – умение грамотно выразить свои мысли.* Связь красоты с нравственностью косвенно отражается в суждении одной из участниц конкурса – кемеровчанки Натальи Горожановой: *Моя заветная мечта – стать достаточно состоятельной, чтобы помочь детям, оставшимся без попечения родителей.* Шутливая окраска связана с включением ПТ в заметку-объявление о конкурсе красоты, организованном газетой: *Для этого вам надо внимательно изучить фотографии девушек и выбрать ту, что ляжет на сердце или будет ласкать взор, ту, которая, на ваш взгляд, покорит сначала*

Россию, а потом с божьей помощью и собственной красоты весь **мир**, который ежели и **спасет красота**, то только женская (С. Михайлов, 20.10.2011). Дискуссионный подход к ставшей штампом мысли о несовместимости внешней красоты и внутреннего богатства человека выражен в статье о стандартах в киноиндустрии «*Красота по-американски*»: Возможно, **красота по-прежнему является страшной силой и когда-нибудь непременно спасет мир**, но только не сейчас, когда набирает обороты штамп, уже ставший расхожим: красивая – значит дура (Д. Михайлович, 27.03.2004). Такая дискуссия отражает культурный диалог с толкованием красоты, согласно которому этическое господствует над эстетическим. Оно представлено, например, в христианстве: Н.Д. Арутюнова отмечает, что в религиозных текстах «нередко этическая оценка противопоставляется эстетической, внутреннее – внешнему, сущность – наружности, подлинное – показному, истинное – фальшивому» [1. С. 13].

Таким образом, более аналитично представлены размышления авторов газетных текстов конца XX в., делающие акцент на внутренней красоте. С другой стороны, в начале XXI в. в связи с рассматриваемым ПТ звучит мысль о несправедливом противопоставлении красоты внешней и внутренней, хотя представлена эта мысль в единичных случаях, без аналитического обоснования, в виде попутного замечания, в отличие от манеры газетных материалов конца XX в. Но сам факт экспликации данной мысли в медиадискурсе свидетельствует о продолжении культурного диалога, о возвращении к истокам эстетических воззрений – к концепции калокагатии.

Материалы о городе отражают специфику регионального медиадискурса. Тема красоты связана прежде всего с размышлениями о благоустройстве города. Материалы о благоустройстве города постоянно представлены в газете. В них звучит «*Ода красodelьному народу*». Такое характерное название с концептуально нагруженным окказионализмом использует В. Валиулин в корреспонденции о благоустройстве города (16.07.1996) из рубрики «Люблю тебя, город родной». Журналист рассказывает об учителе биологии Г.Я. Андросовой и её учениках, которые создали *оазис свежести и красоты* (образ вводится с помощью контраста: *После дымной и пыльной улицы Ленина школьный двор пятидесятой предстаёт рукотворным оазисом свежести и красоты*). Красота, по мнению журналиста, оказывает целительное действие на общество. Суть этого действия передаётся с помощью окказионализма утишение и конкретизированной характеристики болезненного состояния: *Практика пятидесятой школы воистину показывает, что выращенные ею цветники, фруктовые и декоративные деревья очень способствуют утишению человеческих нравов; Проходят – и ничего не топчут, не ломают. Подавляющее большинство собаководов – о чудо! – держат своих четвероногих друзей на поводке. Тихий – «смирный, спокойный»* [8. С. 734]. Диалог с ПТ представлен как развитие базового тезиса: *Классик литературы в прошлом веке сказал, что мир спасёт красота. В нынешнем веке другой классик, искусства, дополнил его: осознание красоты спасёт*. «*Ода красodelьному народу*» звучит и в обзоре писем: *Кстати, и в подъезде, где живет Валентина Яковлевна, чисто, аккуратно. За этим тоже жильцы следят. Так что красоту можно и самим создавать. Конечно, дополняя усилия работни-*

ков ЖЭКа, а не заменяя их. О том же письмо от Александры Зарембо из Форштадта. Она пишет о прекрасном палисаднике возле дома № 10 в переулке Автомобильном. «Когда проходишь мимо этого дома, просто испытываешь радость. И еще благодарность хозяевам за такую красоту». **Красота, если и не спасет мир, то украсит нашу жизнь точно. Такая у нее сила** (В. Коровина, 01.09.2005).

Тема красоты в материалах о городе связана не только с размышлениями о его благоустройстве, но и с погружением в его историю. Такого рода материал был обнаружен в современной газете: *Гипотезы гипотезами, факты фактами, а мир красота спасёт!* Посему остается тешить себя красивой легендой о том, что сам Великий государь приложил руку к изготовлению креста для городка, расположенного в далёкой Сибирской губернии (Д. Семенюта, 01.09.2012). Уважительное, трепетное отношение к истории города передано в статье об одной из городских легенд, согласно которой Пётр I жаловал городу на столетие деревянный крест. Значимо, что концептуальное (красота) противопоставляется фактографическому (гипотезы, факты), причём ценностный приоритет красоты подчёркнут использованием синтаксических фразеологизмов (*Гипотезы гипотезами, факты фактами* <...>).

Особенности употребления ПТ «Мир спасёт красота» отражают специфику воплощения ценностных ориентаций российского общества конца XX–XXI в. в медиадискурсе. Данный ПТ не только создаёт эффект выразительности, но и является знаком сложной, многоступенчатой смысловой структуры, развёртывающейся в различных газетных текстах. Показателем особого коммуникативного статуса рассматриваемой реминисценции является её существование в масс-медиа в качестве объекта рефлексии, активная интерпретационная деятельность авторов публикаций, их диалог с формулой Достоевского, приводящий к обоснованию или опровержению выраженного в ней тезиса.

Предпринятый анализ функционирования ПТ «Мир спасёт красота» в городской газете позволяет судить о том, что более содержательным и развёрнутым является культурный диалог, осуществлённый в газетных текстах конца XX в. Данные материалы характеризуют актуальность рассматриваемого ПТ в коммуникативном пространстве. Для них в большей степени характерна эксплицированная отсылка к Достоевскому, чем для публикаций начала XXI в., представляющих высказывание писателя как принадлежность общего культурного фонда. В материалах конца XX в., отражающих авторство ПТ и вступающих с ним в концептуальный диалог, личностный стиль изложения создаётся включением метатекста. Авторы публикаций начала XXI в. «ассимилируют» реминисценцию к своему изложению, сопровождая её коннотациями и подвергая логической трансформации. Отношение к мысли Достоевского как к трюизму и включение её в текст ради прагматического эффекта в медиадискурсе начала XXI в. проявляется в неоднократном использовании реминисценции в заголовках.

ПТ включён в материалы различной тематики. Основными являются темы нравственного здоровья общества, творчества, внешней красоты, города. Тема нравственного здоровья общества является ключевой для контекстов с

рассматриваемой реминисценцией в материалах конца XX – начала XXI в. Знаковым является то, что первые упоминания формулы Достоевского в городской газете эпохи перестройки связаны с публикациями о школьной реформе, о роли уроков литературы в становлении личности.

Темы творчества и внешней красоты человека ярче и глубже воплощены в публикациях конца XX в. В них «круги» контекстов размышлений о спасительной силе красоты расширяются: творческий человек – семья – российское общество – мировая цивилизация. Материалы эпохи перестройки обладают проблемным звучанием, являются откликом на увлечение людей внешней красотой человека. Размышления о внешней красоте в материалах конца XX в. перерастают в поиск ответа на вопрос о сути красоты истинной, тогда как публикации начала XXI в. имеют преимущественно фактографический характер. Хотя именно в начале XXI в. в связи с рассматриваемым ПТ звучит важная мысль о несправедливом противопоставлении красоты внешней и внутренней, что свидетельствует о продолжении культурного диалога о калогатии.

В материалы о городе, доминирующая роль которых определяется типом издания, рассматриваемая реминисценция включается достаточно однообразно – в связи с размышлениями о благоустройстве города, – хотя в современной городской газете был также отмечен материал, посвящённый истории города и поэтизирующий образ родного города. Незначительное семантикостилистическое разнообразие включения ПТ «*Мир спасёт красота*» в материалы о городе свидетельствует о тяготении реминисценции не к «градоцентричным» публикациям, а к контекстам размышлений об основе аксиосферы, прежде всего – о нравственном здоровье общества.

Литература

1. Арутюнов Н.Д. Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2004. С. 5–29.
2. Латин Н.И. Социальные ценности и реформы кризисной России // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 17–27.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. Семенец О.П. Прецедентный текст в языке газеты: динамика дискурса 50–90-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/pretsedentnyy-tekst-v-yazyke-gazety#ixzz3MsP9ly9H>
5. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частная классификации. Терминологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2006. 376 с.
6. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.
7. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 172 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 10-е изд., стер. М.: Сов. энцикл., 1973. 846 с.

THE PRECEDENT TEXT "BEAUTY WILL SAVE THE WORLD" IN THE CITY NEWSPAPER KUZNETSKY RABOCHIY: SEMANTIC AND STYLISTIC ANALYSIS (ON THE DYNAMICS OF THE AXIOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD IN THE REGIONAL MEDIA DISCOURSE OF THE LATE 20TH AND EARLY 21ST CENTURIES).

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 2(34), 55–70. DOI 10.17223/19986645/34/6

Pushkareva Irina A., Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: pia11@yandex.ru

Keywords: axiological sphere, media discourse, newspaper publicistic text, precedent text, reminiscence.

The dynamics of the axiological picture of the world is reflected in media discourse. Russian mass-media of the perestroika and the following periods used to include the precedent text "*Beauty will save the world*" rather actively; it is an interesting fact for the conception of the "Great Triad" (N.D. Arutyunova) of such categories as The Good, Verity and Beauty. The role of this precedent text in the communicative space is particularly reflected in the regional media discourse: in the city newspaper *Kuznetsky rabochiy* (Novokuznetsk) of the late 20th and early 21st centuries.

The precedent text "*Beauty will save the world*" not only creates the effect of expressiveness, but also becomes a sign of a compound semantic structure which develops in different newspaper texts. Reflection on this precedent text in mass-media, its active interpretation by authors of publications and their dialogue with Dostoevsky's formula are factors of its special communicative status. This constant dialogue leads authors to reasoning or refutation of the thesis.

Analysis of using the precedent text "*Beauty will save the world*" in the regional media discourse shows a more considerable richness of content of the cultural dialogue in newspaper texts created in the late 20th century. These materials define the topicality of the examined reminiscence in the communicative space. They include an explicit allusion to Dostoevsky more often than publications of the early 21st century which usually present the writer's statement as a part of the general cultural fund. Materials of the late 20th century reflect the authorship of the precedent text and converse with it, so personal style of narration is created by using meta-text. On the contrary, authors of publications of the early 21st century "assimilate" the reminiscence in their narration, add connotations and transform it logically. In the media discourse of the early 21st century the reminiscence is frequently used in headlines, which demonstrates authors' pragmatic purposes and their qualifying the statement as a truism.

The precedent text is included in the materials on different topics. The topic of moral health of the society is the basic one for contexts with the examined reminiscence in the materials of that period. Topics of creativity and of people's outer beauty are embodied in publications of the late 20th century more brightly. The contexts of thoughts about beauty's saving force are enlarged in these materials: a creative person – family – Russian society – the world civilization. The little semantic and stylistic variety of including the precedent text "*Beauty will save the world*" into materials about the city shows that the reminiscence relates to axiological contexts and reflection on the moral health of the society rather than to "city-centric" publications.

References

1. Arutyunova N.D. *Istina. Dobro. Krasota: vzaimodeystvie kontseptov* [Verity. The Good. Beauty: interaction of the concepts]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki estetiki: Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: conceptual fields of beauty and ugliness]. Moscow: Indrik Publ., 2004, pp. 5–29.
2. Lapin N.I. *Sotsial'nye tsennosti i reformy krizisnoy Rossii* [Social values and reforms of crisis Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1993, no. 9, pp. 17–27.
3. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis Publ., 2004. 390 p.
4. Semenets O.P. *Pretsedentnyy tekst v yazyke gazety: dinamika diskursa 50-90-kh godov*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Precedent text in the language of the newspaper: the dynamics of the discourse in the '50s – '90s. Abstract of Philology Cand Diss.]. St. Petersburg, 2004. Available from: <http://cheloveknauka.com/pretsedentnyy-tekst-v-yazyke-gazety#ixzz3MsP9ly9H>.
5. Moskvina V.P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoy russkoy rechi: Tropi i figury. Obshchaya i chastnaya klassifikatsii. Terminologicheskii slovar'* [Expressive means of modern Russian speech: tropes and devices. General and special classifications. Glossary]. Moscow: LENAND Publ., 2006. 376 p.

6. Matveeva T.V. *Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika* [A learner's dictionary: Russian language, speech culture, stylistics, rhetoric]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2003. 432 p.

7. Matveeva T.V. *Funktional'nye stili v aspekte tekstovykh kategoriy: Sinkhronno-sopostavitel'nyy ocherk* [Functional styles in terms of textual categories: synchronous-comparative essay]. Sverdlovsk: Ural State University Publ., 1992. 172 p.

8. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Dictionary]. 10th edition. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1973. 846 p.